

Гу Шаобай сверлил Лин Миня острым взглядом, заставляя того невольно умолкнуть, и лишь затем обернулся к Му Цинфэну:

— Итак, князь, эта сделка стала ещё менее выгодной... Потому что тот Гу Шаобай, которого ты обманывал в чувствах и использовал для плотских утех, давно мёртв и никогда не вернётся... Ты — про — иг — рал!

Его чёрные зрачки отразили бледное лицо Му Цинфэна — лицо, полное раскаяния и боли.

Гу Шаобай медленно расслабил брови. На его лице, светившемся в лунном свете подобно яшме, запечатлелись следы слёз. Он с облегчением тяжело вздохнул, голос его стал тише, словно покрылся тонкой вуалью — лёгким и эфемерным. Он слегка приподнял голову, устремившись взглядом в черную, как тушь, ночную бездну:

— Князь, раз всё уже ясно, на этот раз мы действительно в расчёте!

С этими словами он, не колеблясь ни секунды, шагнул на галерею. Сделав всего пару шагов, его фигура растворилась во тьме.

Му Цинфэн долго смотрел ему вслед, застыв в оцепенении.

«В расчёте? Почему мне кажется, что я остался ему должен гораздо больше?»

Лин Минь тяжело вздохнул, не находя слов, чтобы утешить его. Со стороны было ясно: решимость Гу Шаобая была беспощадной, он не оставил ни единого шанса. Это могло означать лишь одно — Му Цинфэн нанёс ему слишком глубокую и тяжкую рану. Рубцы залечить невозможно, никакие лекарства здесь не помогут!

Сам он когда-то тоже был переполнен сожалениями, корил себя за то, что не послушался совета наставника и не усердствовал в практиках. Если бы он тогда занимался, то в момент смерти Му Чжи смог бы применить запретную технику и вернуть душу старшего брата. Пусть даже он сам бы в тот же миг умер, он бы ушёл из этого мира с улыбкой на губах.

Он тихо кашлянул. Это тело было серьёзно подорвано Формацией Разрыва Души, и он не знал, сколько лет ему осталось. Не знал также, успеет ли он найти старшего брата до своей кончины, чтобы сказать: «Я буду ждать тебя где угодно! Если старший брат не придёт, я не уйду!»

Свет рассвета становился всё слабее, свечи догорали, и ночь перед рассветом казалась особенно тёмной и холодной.

На плечи человека, неподвижно сидевшего во дворе, опустилась верхняя одежда. Мысли Му Цинфэна, блуждавшие неведомо где, собрались воедино, и он заметил, что Лин Миня уже давно нет.

— Дядя Пин, который час?

Чжоу Пин вложил чашку горячего чая в ладонь Му Цинфэна:

— Князь, пора на аудиенцию.

Му Цинфэн сделал пару глотков — его промерзшее сердце наконец-то немного согрелось. Он поднялся и, пошатываясь, направился к опочивальне:

— Я нездоров. Пойди, передай в канцелярию, что я возьму отгул.

Чжоу Пин глядя на его поникшую спину, беззвучно вздохнул. Хотя он находился во переднем дворе, ему всё же удалось услышать резкий голос Гу Шаобая. И если не все слова были различимы, то тон был очевиден — каждая фраза наносила удар прямо в сердце.

Как жаль, что князь никогда не знал любви, а когда впервые её познал, она оказалась столь глубокой!

Гу Шаобай вышел из особняка, но, поразмыслив, решил, что в такой поздний час не стоит пугать отца, поэтому направился напрямиком к Му Люняню.

Туда он добрался в паланкине, а обратно — пешком.

К тому времени, как он дошёл, уже начало светать.

Дверь открыл Чжун Шэн. Увидев бледное лицо Гу Шаобая, под которым залегли огромные тёмные круги, он сразу понял, что что-то случилось. Заметив, что гость проследовал в главные покои, он не стал ложиться спать, а поспешил заварить чай и приготовить завтрак.

Гу Шаобай вошел в комнату и при свете утра увидел, что Му Люнянь сладко спит. Его лицо было румяным, а в уголках губ играла улыбка — видно, ему снился добрый сон.

Он сбросил верхнюю одежду и, оставшись в нижней рубашке, юркнул под одеяло к Му Люняню. Холод, исходящий от его тела, мгновенно взбудоражил того.

Му Люнянь резко открыл глаза, но, увидев Гу Шаобая, тут же расслабился. В прежние времена, в резиденции князя Юя, Гу Шаобай часто оставался на ночёвку, когда их беседы за шахматами затягивались до поздна. Они и тогда ложились рядом, переговариваясь и смеясь, пока не проваливались в сон.

Му Люнянь поправил ему край одеяла и, сонно шурясь, улыбнулся:

— Ты как ледышка. Не говори только, что дома не уснул и прибежал меня дразнить.

Гу Шаобай уткнулся носом в мягкую подушку и глухо прорычал, в голосе звучала хрипота.

Му Люнянь почувствовал неладное, повернул голову к нему:

— Шаобай... Ты что, плакал?

Гу Шаобай пошевелился и положил голову ему на плечо. Слёзы потекли ручьём, невозможно было остановиться, словно шлюзы открылись — они быстро пропитали тонкую рубашку Му Люняня.

Му Люнянь дождался, когда всхлипы утихли, и уже хотел спросить, что случилось, но обнаружил, что тот, лежа на его плече, которое стало холодным от слёз, уже крепко спит.

Насладились? Я точно наслаждался!

Князь лишь на мгновение показал слабость — такова его натура!

Жаль, что больно всем!

Через три дня должен был состояться день рождения Вдовствующей императрицы.

С самого раннего утра Вдовствующая императрица и Император в зале Циньчжэн принимали поздравления от сотен чиновников, а затем принимали послов из разных стран с их дарами.

Му Цинфэн ещё до рассвета отправился во дворец, чтобы быть рядом с Императором и помогать ему. Он не сходил с ног до самого вечернего банкета.

Банкет был устроен в недавно построенном дворце «Мэйшоу», неподалёку от Императорского сада.

Когда было выпито немало вина, Му Цинфэн, пользуясь тем, что никто не следит за ним, тихонько выбрался из дворца Мэйшоу. Он побрёл по тропинке, вымощенной галькой, наслаждаясь прохладным осенним ветром, который развеял большую часть опьянения.

Звуки музыки и звон бокалов постепенно стихли, становясь неслышными. Му Цинфэн с удивлением обнаружил, что невольно добрался до озера Цуйсинь. Обычно по ночам Императорский сад погружался во тьму, но в честь дня рождения Вдовствующей императрицы его украсили фонарями. Благодаря разноцветным огням, мрачная осенняя картина вдруг обрела новое, печальное очарование.

Он сел на камень из Тайху. Свет огней и отражение в воде играли в его глазах. Воспоминания о той ночи у Пруда Ласточки снова всплыли в памяти. У пруда он признался в любви, а Гу Шаобай смотрел на него с кротостью, и по движениям его губ можно было прочитать: «Какая же это ночь, чтобы встретить такого человека».

Тогда он любил так сильно, как сильно ненавидит сейчас; тогда, умирая, он испытал разочарование, и сейчас же, уходя, он был столь же непреклонен!

Му Цинфэн устался на куст осенней бегонии. Тень от фонаря падала на него, создавая играющие полутона — красный и пурпурный. Он тихо вздохнул, не зная, как вернуть это сердце, изрешечённое ранами.

В прошлом он был коварен и жесток, но и сейчас не стал лучше!

Поездка на Север... Много слов было сказано тогда. Он думал, что это шутки или вспышки гнева, но теперь, вспоминая, понимал: то был плач души Гу Шаобая. То сердце и та любовь давно были погребены под его бесчувственностью!

...

— Когда-то было... Потом он меня бросил да ещё и сильно покалечил, довёл до самого края...

— Мы были случайными знакомыми. Для тебя это было лишь удовлетворением желания, а для меня — минутным порывом, этим нельзя всерьёз заниматься...

— Той любовью можно было пожертвовать, князь. Возможно, Цзя Фань и испытывал к тебе чувства, но, как сказано в записке, Цзя Фань улетел, словно журавль, и эти случайные встречи — не более чем пустяк, не стоит принимать их близко к сердцу...

...

Му Цинфэн потер затёкшие за день колени и медленно поднялся. Глядя на яркую луну, он

твёрдо решил: «Гу Шаобай, пусть даже твоё сердце мёртво, я обязательно заставлю его забиться снова. Не затем, чтобы искупить вину или долг, а просто потому, что я люблю тебя!»

Вспомнив, что на банкете не стоит задерживаться надолго, он развернулся и сделал пару шагов в сторону дворца «Мэйшоу». Вдруг из-за поворота тропинки вынырнула тёмная тень. Му Цинфэн, погружённый в свои мысли, не ожидал встречи и был с силой сбит с ног. Он отступил на шаг, восстанавливая равновесие, и неодобрительно уставился на человека перед собой.

Это был евнух в одежде высокого ранга.

Подняв глаза, он увидел перед собой мужчину с благородными чертами лица, в короне с фиолетовыми кисточками, в тёмно-фиолетовом халате с драконами. На груди была вышита пятипалая дракон с прямой хваткой, а на плечах — пятипалые драконы в движении. Евнух сразу понял, что натворил большую беду. Он с грохотом упал на колени и начал стучаться лбом о землю:

— Раб виноват, раб заслуживает казни, Князь И, простите...

Му Цинфэн нахмурился:

— Ты из какого дворца?

Тот не смел поднять голову и дрожащим голосом доложил:

— Раб — главный евнух Цветочной палаты, Дэ Шунь.

Му Цинфэн холодно хмыкнул:

— Сегодня день рождения Вдовствующей императрицы, куда ты так спешишь? Хорошо, что это я. А если бы ты налетел на какого-нибудь вельможу или посла, тебе и ста голов не хватило бы, чтобы ответить!

Дэ Шунь затараторил, кивая. Услышав, что Му Цинфэн, похоже, не собирается отрубать ему голову, он медленно выпрямился, всё так же опустив взгляд:

— Доложу вашему высочеству, только что из Министерства церемоний передали, что послы Хэле преподнесли в дар редкий цветок. Приказали немедленно перенести его в Цветочную палату. Раб спешил, ослеп, оглох, нечаянно и наткнулся на князя.

Му Цинфэн небрежно махнул рукой, давая понять, чтобы он уходил. Дэ Шунь, склонив голову, поспешил прочь по тропинке.

<http://bllate.org/book/16730/1538891>